

На правах рукописи

ПЕТРОВ Александр Викторович

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ МЕТАФИЗИКИ СВОБОДЫ

Специальность 09. 00. 01 – онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Омск – 2011

Работа выполнена на кафедре философии и истории
ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный университет
физической культуры и спорта»

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Зайцев Павел Леонидович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Дмитриева Лариса Михайловна

кандидат философских наук, доцент
Ефимова Светлана Владимировна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Курганский
государственный университет»

Защита состоится 17 ноября в 12.00 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.177.03 при Омском государственном педагогическом университете по адресу: 644099, г. Омск, наб. Тухачевского 14, ауд. 212.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Омского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан ___ октября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Максименко Л. А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что:

во-первых, понятие свободы имеет выраженный статус вечной проблемы, всегда имманентно присутствующей в философском дискурсе. Его конкретное содержание зависит от ракурса, в котором рассматривается это понятие. Тема свободы может принимать облик частных проблем свободы мышления, воли, действий, морали, политических свобод и т. д. Сегодняшняя философская «повестка дня» сложилась таким образом, что констатация мировоззренческого кризиса философии, гуманитарных наук и нравственного сознания в целом уже звучит как трюизм, хотя решительных и общезначимых шагов к его преодолению сделано еще явно недостаточно. Один из моментов кризиса философского умозрения выражается в отсутствии теоретических разработок, основывающих понятие свободы как таковой на онтологическом фундаменте.

Поскольку проблема свободы является одной из ключевых тем мышления о человеке, соответственно будет вполне справедливым указание на ее фундаментальное значение применительно к вопросам онтологической теории ценности, влияющей на умозрительную картину множества сфер философского знания – от гносеологии до философской антропологии и аксиологии. В современном философском дискурсе теме свободы уделяется немалое внимание и феномен свободы имеет множество дефиниций, относящихся преимущественно к сфере обыденного сознания. Зачастую понятие свободы определяют как самодовлеющую значимость, нечто самоценное, причем это значение стремится к абсолютизации. Сейчас свобода утверждается как аксиома, что в свою очередь ведет к превратному ее пониманию и акцентированию на ее эгоцентрическом потенциале, высвобождению хаотического начала и эрозии ответственного отношения к ней. Это обстоятельство обусловило необходимость предпринять попытку

прояснить смысл понятия свободы в ключе трансцендентальной философии и в пределах проблематики онтологической теории ценности.

Во-вторых, преодоление современных кризисных проявлений понимания свободы как релятивизма, обусловивших фактически сложившийся тупик в ценностном мироотношении, может состояться в процессе утверждения видения свободы с позиций трансцендентальной философии, поскольку этот подход восходит к пониманию философии как метафизики, а не метатеории. Он обращается к человеку как к личности и существу дихотомичному, а не как к абстрактной фигуре мысли или мыслящему физическому телу. Иначе такую позицию можно назвать философским персонализмом, который сейчас остро нуждается в апологии на фоне усилившегося влияния сциентизма. Эта цель достижима в том числе и путем критической реабилитации и рефлексивного усвоения традиции русской религиозной философии, поскольку она имеет одной из своих главных тем трансцендентально и теистически ориентированную философскую антропологию. При всем своем потенциале русская религиозная философия в настоящее время привлекает к себе внимание по большей части историков, нежели интерпретаторов, способных дать ей новую жизнь. Перспективность переосмысления отечественной традиции и необходимость ее возвращения в философский дискурс о человеке обусловлена также тем, что она содержит в себе богатый содержательный пласт, относящийся к онтологически-ценностным аспектам бытия личности. Онтологизация ценностного сознания в русской религиозно-философской мысли выступает действенной альтернативой европейской секулярной гуманистической традиции, толкующей свободу исключительно в практическом ключе в контексте свободы совести и вероисповедания, прав меньшинств и т.п.

В-третьих, в отношении темы свободы в аспекте ценностной проблематики, принятой к рассмотрению в онтологическом ключе, позиция трансцендентальной философии представляется нам наиболее перспективной

сравнительно с иными философскими конструктами, так или иначе отказывающимися в существовании трансцендентным основаниям ценностного сознания и отдающими предпочтение в его определении натуралистическим, психологическим, социальным или же культурно-историческим предпосылкам. В отличие от них трансцендентализм позволяет разрешить проблемы ценностного сознания как проблемы онтологические, возможность чего убедительно показал Н. О. Лосский¹. Онтологизация понятия ценности, совершаемая для того, чтобы раскрыть в ее контексте значение потенции свободы, дает основания смотреть на первую через призму диалектики категорий, традиционных для онтологии. Такой подход позволяет избежать влияния набирающего силу «негуманитарного» стиля мышления, состоящего в попытках приступить к решению проблем предметного поля гуманитарного знания средствами естественных наук, с привлечением из них методологических и мировоззренческих подходов в разной степени полноты. Характерным последствием этой тенденции является не только укоренение в философии понимания человека с точки зрения натурализма и редукционизма и соблазна мыслить его исходя из регистра существования, а не сущности, но и отношение к нему как к ресурсу системы, то есть как к средству. Преодолеть пагубное для ценностного сознания механистическое понимание человека вполне возможно через привлечение традиции русской религиозной философии как частного случая трансцендентальной философии, наделяющей человека статусом онтологической значимости.

Степень разработанности проблемы

Хронологически первой в обращении к идее свободы с попыткой увидеть в ней ценностный смысл была традиция античной философии. В творчестве Сократа, Платона и Аристотеля совершилось как первичное осмысление понятия свободы, так и выделение должностования как ценностного ориентира для свободы и установлен характер ее отношения к

¹ «Согласно развиваемой мною онтологической теории ценностей, бытие не есть только носитель ценностей, оно само, будучи взято в его значительности, есть ценность, оно само есть добро и зло» (Лосский Н. О. Ценность и бытие // Бог и мировое зло. – М.: Республика, 1994. – С. 287).

добродетели и благу. Идея блага, с которой была соотнесена свобода, понималась различным образом – так, например, Эпикур отождествлял его с отсутствием страданий, а стоическая традиция (прежде всего Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий) и впоследствии гностики эпохи раннего христианства (Василид, Маркион, Карпократ) подразумевали под благом идею освобождения от уз бренной материи, бесстрашие и дистанцирование от случайностей мира. Таким образом, в античности свобода была определена как потенция, ориентированная на реализацию блага, однако разнообразные трактовки последнего послужили основанием не только для этики долженствования, развитой христианством и критически осмысленной И. Кантом, но в том числе стали оправданием и для нравственного релятивизма.

Существенный вклад в развитие понимания свободы как онтологической потенции личности внесла христианская мысль в лице святоотеческой традиции. Будучи рефлексией Откровения, она сформировала облик европейской культуры и по сей день оказывает влияние на философию. В нашем исследовании имеют место как идеи, составляющие догматические основания христианской ортодоксии, так и частные богословские мнения Дионисия Ареопагита, Василия Великого, Августина, Иоанна Дамаскина, Симеона Нового Богослова, Иоанна Златоуста, Пелагия. Кроме того, мы привлекли также католических авторов – Жана Буридана, Виссариона Никейского. Именно патристика и церковные писатели создали прецедент умозрительного понимания человека как образа Божьего; тем самым личности вменялась онтологическая значимость. Также в патристической литературе содержатся указания на амбивалентность потенции свободы: с одной стороны, она открывает возможность для фатального злоупотребления, а с другой – предстает как фундамент преодоления поврежденной человеческой природы и самосозидания. Однако указанные авторы в своих воззрениях на свободу как онтологически важную потенцию опирались в большей степени на опыт веры, чем на рассудочную

спекуляцию (за исключением большинства католических мыслителей, более похожих на богословствующих рационалистов, чем на верующих философов). Это обусловило общее настороженное отношение к философии и желание видеть в ней служанку богословия, что естественно не могло пойти на пользу обеим. Важное место в настоящем исследовании занимают также работы историков церковной традиции Макария (Булгакова), Киприана (Керна), А. Кураева, А. Шмемана, Е. В. Афонасина, Ю. А. Шичалина и др.

Избежать недостатка сугубо богословского взгляда стремилась русская религиозно-философская традиция, которая сочетала в себе как вновь (для европейского рационализма) произведенное акцентирование на христианском понимании свободы личности, так и ее глубокую рефлексию. Отечественная религиозная философия представляет собой явление весьма самобытное и неоднозначное, сумевшее как содержательно переосмыслить и преобразовать в христианском ключе привнесенное с Запада на русскую почву спекулятивное понимание свободы, так и обогатить его собственным видением через призму христианского персонализма и религиозной интуиции. Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов, И. А. Ильин, С. Л. Франк, Г. Г. Шпет, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский, В. В. Розанов, Б. П. Вышеславцев, В. Ф. Эрн, Л. М. Лопатин, С. Н. Булгаков, Г. В. Флоровский, Л. П. Карсавин, Ф. А. Степун, С. А. Левицкий, А. Ф. Лосев внесли существенный вклад в решение проблем онтологии свободы и ее значения для философской антропологии. Для нашего исследования их воззрения важны в силу того, что отечественная философская культура высказала ряд важных интуиций о роли свободы в аксиологическом и телеологическом аспектах, сделав существенные шаги по направлению к онтологизации последних (собственно, настоящее исследование представляет собой попытку продолжить движение в этом направлении). Будучи насильственно прерванной и оторванной от своих

корней, отечественная традиция трансцендентальной философии не завершилась закономерным самоотрицанием, а сохранила открытый финал.

Полноту ретроспективной картине проблемного поля, охватывающей историю мысли с античности до наших дней в России и на Западе, сообщают работы ряда отечественных и зарубежных авторов, с позиций истории идей освещающих нюансы происходивших ранее обсуждений нашей темы. К таковым относятся Диоген Лаэртский, В. В. Зеньковский, Б. В. Яковенко, Н. О. Лосский, Р. А. Гальцева, А. А. Гусейнов, Т. И. Ойзерман, П. П. Гайденко, И. И. Евлампиев, А. В. Разин, Ю. В. Балакин, В. А. Чаликова, М. Н. Виролайнен, Т. Н. Горнштейн, В. В. Прозерский, Е. А. Рудельсон, С. С. Аванесов, А. А. Александров, И. Н. Батуркина, Ю. А. Килис, Д. О. Линеvская, Д. В. Орлов, А. Л. Панищев, Н. В. Сомин, Т. А. Чухно, Ю. В. Шичанина, Дж. Реале и Д. Антисери, Т. Шпидлик, Г. Габриэль, И. Берлин, Й. Лукач, Р. Геншель и др.

Осмыслению наследия русской религиозно-философской мысли и созвучных с ней положений европейской трансцендентальной философии, а также прояснению их интуиций применительно к теме свободы и онтологической теории ценности как ее аспекту, посвящены работы А. В. Гулыги, А. В. Ахутина, В. Н. Миргородского, И. И. Евлампиева, М. Д. Купарашвили, Л. А. Богодельниковой, П. Е. Бойко, В. С. Даниловой, Н. Н. Кожевникова, А. Л. Доброхотова, А. Ф. Кудряшева, А. А. Лагунова, А. Г. Ломоносова, Ю. И. Мирошникова, С. И. Некрасова, А. М. Захарова, Е. В. Палей, В. Н. Первушиной, А. Э. Петросяна, А. И. Троцака, Ю. И. Семенова, М. М. Рогожи, Ю. Б. Мелих и др.

В трансцендентальном ключе, в целом созвучном с русской религиозно-философской традицией, выступала западная персоналистическая философия, стремящаяся заявить «гуманистический протест» (по выражению Э. Фромма) против технократии с ее сугубо прагматичным отношением к человеку. Это направление мысли представляют Э. Мунье, А. Бергсон, А. Уайтхед, Б. П. Боун, Э. Фромм, К.

Ясперс, П. Тиллих и др.; с теистических позиций в этом отношении выступали Б. Паскаль, П. Тейяр де Шарден, Ж. Маритен, Г. Кюнг и др.

Весьма существенным для нашего исследования является понимание онтологических оснований свободы, данное в немецкой классической философии. В творчестве И. Канта свобода получила соотнесение с проблемой ценностного мироотношения в концепции автономной и гетерономной этики, а в трудах Г. В. Ф. Гегеля свобода личности была осмыслена как момент саморазвертывания идеи свободы, имеющей свои основания в абсолютной идее. Этими же авторами было произведено рассмотрение свободы в телеологическом контексте и совершено осмысление идеи блага в аспекте ценности и целесообразности. Дальнейшее и весьма разнообразное развитие эти интуиции о свободе и ценностном отношении к ней получили в философии неокантианства (Н. Гартман, Г. Риккерт, Р. Г. Лотце, В. Виндельбанд и др.) и неогегельянства (А. Кожев, Ж. Ипполит и др.).

Также нельзя исключить из поля зрения представление о свободе как о потенции, преодолевающей традицию и противостоящей данностям сознания, под которыми подразумевается состояние дорефлексивной инертности мышления. Такую точку зрения представляют герменевтика и экзистенциализм, определившие облик современной европейской философии. Если герменевтически ориентированная философия относится к традиции как условию возможности предпонимания и видит в ней как сотрудника в познании, так и оппонента, то экзистенциализм ставит в начало всякого философствования ничем не стесненную личную свободу, поскольку только она способна придать сознанию личности импульс, достаточный для выхода за пределы обыденности и очевидности. Эти направления представлены соответственно трудами Х.-Г. Гадамера, М. Шелера, М. К. Мамардашвили, В. И. Молчанова, И. А. Бондаренко, а также М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, Х. Хофмайстера, В. В. Биbihина и др.

Представители марксистской философии рассматривают феномены свободы и ценностного сознания в контексте общественных отношений, оперируя понятиями историзма, классовости, социальной субъективности. При этом подходе понятие ценности низводится до уровня обыденного сознания и тесно связывается со сферой эмоций и субъективных предпочтений. В этом ключе работали В. П. Тугаринов, О. Г. Дробницкий, А. П. Скрипник, В. А. Василенко, М. С. Каган, В. В. Ильин, Л. Б. Симонова и др.

Среди подходов к проблеме свободы необходимо отметить и те, что построены на нетрансцендентальных основаниях: бихевиоризм Д. Дьюи и социологизм М. Вебера, Т. Парсонса, Э. Дюркгейма, А. Маслоу и др. Вполне положительной оценки заслуживают их попытки выяснить естественные основания человеческой свободы. Однако же они были ослаблены сведением проблемы свободы и ценностного мироотношения к натуралистическим предпосылкам и невниманием к метафизическим истокам предметного воплощения ценностных ориентиров – ведь следование высшим нравственным императивам почти всегда принципиально непрагматично и не может быть успешно и исчерпывающе редуцировано к натуралистическим положениям.

Крайним проявлением стремления найти естественный корень свободы является сциентизм, стремящийся перенести гносеологические процедуры наук о природе в науки гуманитарные. Это стремление на ранних его этапах воплощал позитивизм А. Сен-Симона, О. Конта, И. Бентама, Г. Спенсера, Дж. Милля, Э. Маха, в дальнейшем развернувшийся в неопозитивизм Л. Витгенштейна и Р. Карнапа и постпозитивизм К. Поппера, М. Бунге и др. Позитивистская стратегия постепенно претерпела изменения и была замещена попытками синергетики (И. Пригожин, И. Стенгерс, А. Баблюянец и др.) в иных выражениях, но с тем же намерением на едином фундаменте сциентизма построить философию как природы, так и человека. К представителям этого направления относятся Н. М. Урманцев, А. П.

Назаретян, В. С. Швырев, В. В. Чешев, В. И. Моисеев, В. П. Бранский, С. Д. Пожарский, И. С. Ладенко, К. Х. Делокаров, В. И. Аршинов, Я. И. Свирский и др.

В настоящее время в отечественной философии все большее значение приобретают разработки проблемного поля вопросов онтологии свободы и бытия ценностного сознания, совершаемые в контексте трансцендентальной философии и стремящиеся онтологизировать с этих позиций ценностную проблематику. К наиболее интересным представителям этого направления относятся М. К. Мамардашвили, С. С. Хоружий, Л. Н. Столович, Д. В. Пивоваров, В. В. Налимов, З. М. Какабадзе, Х. С. Вильданов, И. В. Зайцев, М. П. Данилкова, И. К. Джерелиевская, В. К. Иошкин, Г. Н. Кузьменко, В. С. Никольский, Г. К. Сайкина, А. Н. Павленко, Г. С. Киселев, Г. Д. Левин и др.

Исходя из приведенной выше достаточно разнообразной и противоречивой картины подходов к пониманию свободы, выработанных философией, **проблема** исследования может быть зафиксирована в следующих вопросах: насколько онтологическое переживание свободы, присущее русской религиозной философии, может оказаться полезным современному философскому дискурсу? Возможна ли его формализация в системе методологических принципов, приложимых к анализу динамики ценностного сознания?

Цель исследования: обосновать необходимость включения в современную онтологию принципов аксиологического подхода к свободе и теоретически зафиксировать возможные перспективы понимания свободы в качестве абсолютного основания бытия, сопряженного с динамикой ценностного сознания.

Для реализации поставленной цели требуется решить ряд **задач**:

1. Установить ключевые значения свободы как понятия, эксплицируемого из смыслового пространства онтологических критериев ценностного отношения к бытию;

2. Прояснить значение потенции свободы в структуре ценностного сознания, представленное традицией трансцендентального персонализма;

3. Проанализировать содержание концептуального слоя аксиологии на формальном и содержательном уровне понимания свободы;

4. Показать точки соприкосновения трансцендентальной философии и христианской ортодоксии в понимании свободы, обосновав продуктивность и перспективы общего для этих подходов интеллектуального вектора;

5. Разработать теоретическую модель реализации свободы, учитывающую антиномичность ответственности и вседозволенности в специфике общественного бытия.

Теоретической базой исследования выступает традиция трансцендентальной философии – преимущественно на примере русской религиозно-философской мысли, задавшей общее направление исследовательской точке зрения. Смыслообразующими для настоящей работы явились идеи Н. О. Лосского в его попытке подвести онтологические основания под понятие ценности, а также воззрения на проблематику свободы В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова. Кроме того, в качестве теоретического фундамента была привлечена патристика, имманентно содержащая важные идеи относительно свободы и онтологии ценности. Существенное влияние на направление исследования оказала критическая философия И. Канта и наследие неокантианства в виде творчества тех мыслителей, чьи идеи касались проблематики свободы и природы ценности (прежде всего это Г. Риккерт и М. Шелер).

Методологическая основа исследования базируется на феноменолого-диалектическом методологическом принципе, предложенном А. Ф. Лосевым как снятие противоположения и синтез описательной феноменологии и объясняющей диалектики.

При формировании источниковой базы исследования был привлечен историко-генетический метод в сочетании с герменевтическим методом интерпретации текстов и компаративистским подходом. Внутренняя

связанность изложения и непротиворечивость выводов поддерживаются ориентацией на системный подход, а также на принцип единства и борьбы противоположностей и принцип историзма, определяемый как единство логического и исторического.

На защиту выносятся следующие положения, составляющие **научную новизну исследования**:

1. Прояснено значение понятия свободы в трансцендентальной философии, составляющее онтологическую потенцию индивидуального сознания, благодаря которой личность получает возможность усмотреть за феноменальным миром его абсолютные основания. Тем самым открывается возможность в контексте трансцендентального дискурса о свободе подвести онтологический базис под философское понимание ценностного сознания.

2. Теоретически обобщен трансцендентальный взгляд на свободу, усматривающий в ней онтологическую ценность, реализуемую в качестве цели. Доказано, что подобный подход выступает наиболее адекватной концепцией метафизического понимания потенции свободы в сравнении с иными. Сциентизм и другие, нетрансцендентальные точки зрения, не признают реальности метафизической телеологии в бытии, что означает отсутствие возможности мыслить свободу ценностью постольку, поскольку она установлена как цель, а не как максима, имеющая одни лишь натуралистические основания.

3. Установлено, что в понимании трансцендентально ориентированной философии свобода не предполагает в качестве генерализирующего элемента понятия случайности. Это утверждение ориентировано на возражение против абсолютизации случайности и хаоса, совершаемое «синергетическим» гуманитарным мышлением, являющимся новой формой сциентизма и составляющим с позитивизмом явление одного порядка, но разного знака.

4. Раскрыта и проанализирована диалектика формального и содержательного понимания свободы, проявляющая себя во взаимообусловленности философской и религиозной (христианской)

концепций этики. Зафиксировано, что свобода как рафинированное понятие находит свое отражение в автономной этике трансцендентальной философии, в своем содержательном аспекте оказываясь неразрывно связанной с гетерономной религиозной этикой.

5. Разработана теоретическая модель развертывания фундирующей роли свободы в общественном бытии. Обосновано представление о свободе-аномии и свободе-автономии. Автономия является реализацией личностью своей свободы в аспекте императива ответственности. Аномия как ее оппозиция предстает в качестве амбивалентной маргинальности и отражает двойственный характер свободы. Таким образом, на защиту выносятся тезис, что аномия может иметь значение как вседозволенности, так и являться условием возможности автономного ответственного бытия личности.

Теоретическая значимость представленного исследования заключается в том, что положения диссертации дополняют философское понимание смысла свободы и проявляют ее онтологическую сущность в аксиологическом контексте. Сделанные выводы могут способствовать разрешению онтологических и аксиологических проблем свободы, ответственности и ценностного отношения в человеческом бытии как в масштабе социума, так и на уровне отдельной личности.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы диссертации могут быть использованы в преподавании дисциплин и подготовке учебных пособий и научно-методических разработок для академических курсов, затрагивающих философскую и аксиологическую проблематику. Кроме того, результаты исследования могут быть применены в педагогической деятельности как научное подкрепление процесса формирования важнейшего аспекта мировоззрения – аксиологического сознания, и ориентации личности на онтологически значимые ценности в противовес мнимым.

Апробация диссертационного исследования. Диссертация обсуждена на аспирантском и методологическом семинарах кафедры философии

Омского государственного педагогического университета, кафедре философии и истории Сибирского государственного университета физической культуры и спорта и рекомендована к защите. Основные положения и выводы диссертации были отражены в выступлениях на 10 научных конференциях, из них 7 – на международных и всероссийских: III Международная научная конференция «Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы» (Омск, октябрь 2008 г.), Всероссийская научная конференция «Реальность. Человек. Культура: религия и культура» (Омск, декабрь 2008 г.), Всероссийская научно-богословская конференция «Актуальные проблемы изучения истории и культуры православия» (Владивосток, май 2009 г.), Международная теоретико-практическая конференция «Наука – Творчество – Образование: памяти профессора Г. Ф. Миронова» (Ульяновск, май 2009 г.), Международная научная конференция «Знание и вера (Вторые Хайкинские чтения)» (Тамбов, ноябрь 2009 г.), Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма» (Омск, декабрь 2010 г.), Всероссийская научно-теоретическая конференция «Исторические судьбы атеизма» (Магнитогорск, февраль 2011 г.); а также на VI научно-практической конференции аспирантов и соискателей СибГУФК (Омск, февраль 2010 г.), и в ходе проведения научной сессии по итогам работы СибГУФК за 2009 г. (Омск, март 2010 г.) и 2010 г. (Омск, март 2011 г.).

По теме диссертации опубликовано 12 статей, из них 3 в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура и объем работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, включающего 234 наименования. Работа изложена на 183 страницах компьютерной верстки.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень ее разработанности и формулируется проблема, определяются цель и задачи, характеризуется методологическая база и научная новизна исследования, приводятся сведения об апробации работы.

В первой главе **«Свобода как онтологическая необходимость»** выявляется подход трансцендентальной философии к проблеме свободы и ее роли в аспекте ценностного мироотношения. Производится сопоставление ключевых позиций, занимаемых относительно проблемы свободы трансцендентальной философией и школами сциентизма. Выявляется, что трансцендентализм устанавливает онтологический статус потенции свободы в жизни сознания, чем делает попытку преодолеть характерную для сциентизма абсолютизацию значения рационалистической методологии в творческом процессе. Из утверждения аксиологического значения свободы следует определение ее в качестве телеологического ориентира в бытии личности.

Первый параграф **«Актуализация абсолютных оснований бытия в потенции свободы»** призван установить онтологический статус потенции свободы в индивидуальном сознании. В нем осуществляется концептуализация понятия свободы с позиций трансцендентальной философии.

Трансцендентальная философия имеет в качестве одной из своих основных априорных предпосылок идею понятности мира, соразмерную с антропным принципом. Уверенность в познаваемости феноменального мира подкрепляет метафизическое предположение о наличии под феноменами предметной действительности некоего абсолютного и трансцендентного фундамента. В противоположность этому сциентистский подход в философии основывается на утилитарном и частнопроблемном вопрошании, исключая метафизическое начало из построенной с учетом такого редукционизма онтологии. Общая тенденция к этому выражается в современной дегуманизации философского мышления.

Трансцендентальная философия отталкивается от предположения действительного наличия первореальности, фундирующей личностное вопрошание к миру и обеспечивающей при разнообразии ее ипостасных проявлений онтологическое единство мира и человека. Сущее (впервые интуитивно усмотренное античной философией как «архе» и получившее развитие в немецком классическом рационализме в виде Абсолютной Идеи, а в русской религиозной философии – как идея всеединства) являет себя в предметном мире благодаря наличию в индивидуальном сознании потенции свободы. Это положение опирается на идейное наследие Г. В. Ф. Гегеля с оформленной им концепцией индивидуального сознания как момента саморазвития абсолютной идеи. При рассмотрении отечественной философией наследия европейского рационализма проявилось ее характерное стремление не только обнаружить за эмпирической действительностью Сущее, но и осмыслить его в антропологическом ключе. Развиваемый автором подход, исходящий из единства русской и общеевропейской традиции трансцендентализма, позволил выявить акцент на дихотомическом понимании человека как тождества сущности и существования, сделанный русской религиозной философией; Абсолютно Сущее предстает в этом случае как фундаментальное порождающее первоначало свободы и творческой интуиции.

Этой точке зрения оппонирует сциентизм с его утилитарно-рационалистической познавательной ориентацией. Сциентизм, воплощающий идею подчинить метафизическую свободу творческой потенции предметной необходимости, олицетворяющей материальное начало бытия и формально-логические отношения в познании, заявляет претензию мыслить мир и человека сугубо в модусе существования, элиминируя его сущностный аспект. В противовес стремлению сциентизма сформировать на основе натуралистических предпосылок метатеорию, трансцендентализм настаивает на необходимости утверждения антропологического измерения равно философии и науки, проявляя тем самым свою холистическую

ориентацию. Данная установка философии на мышление о бытии личности как свободной рефлексивной деятельности, связанной с универсальными основаниями бытия, обозначается в работе как онтологическое мышление, реализуемое в рамках трансцендентального мироотношения. Исходя из этого возможно сделать вывод о том, что в онтологически ориентированной познавательной позиции индивидуальное сознание свободно и творчески проявляет потенциал Абсолютно Сущего.

Свобода является условием возможности творчества как поля реализации абсолютных оснований бытия; в этом плане она приобретает характер онтологической необходимости (в смысле значимости). Трансцендентальная философия в контексте христианского персонализма понимает свободу не как абстрактную потенцию, а стремится к содержательному взгляду на нее, поскольку именно такой подход к суждениям о свободе позволяет избежать релятивизма в отношении к ней. При этом содержательный аспект свободы невыразим вне понятия цели, когда целеполагание ставится в зависимость от ценностного отношения.

Во втором параграфе **«Свобода в модусе становления: преодоление данностей дорефлексивного состояния сознания»** установлена характерная особенность мировоззренческой ориентации сциентизма, состоящая в стремлении подчинить мышление о реальности и человеке рассудочному сознанию и законам формальной логики и выражающаяся в претензии выработать универсальную рационально ориентированную методологию. Поэтому в противопоставлении трансцендентализма сциентизму ключевое место занимает попытка первого преодолеть сциентистское представление о философии как о методологии, воспринимающее познание как реализацию технологически заданных операций.

Отечественная религиозно-философская мысль ориентировалась в своих построениях в большей степени на познавательные возможности, открываемые опытом веры и христианским Откровением, нежели на потенциал рационального познания; также она возражала против

сциентистского понимания достоверности истины, требующего для нее методологической обоснованности. Предпосылкой возникновения общенаучной методологии стал постулат принципиальной познаваемости мира, общий для науки и философии. Однако для рационалистического мышления возникла опасность своеобразной «методологической эйфории», проявившейся в позитивизме и ныне вновь сказавшейся в отношении синергетики. Трансцендентализм произвел обращение к личности как единству интуиции, рассудочного и рационального мышления, что позволяет преодолеть антиномию абстрактного умозрения и конкретного творчества. Это означает, что философия должна выступать не как сумма предметных знаний, а как мышление об их универсальных основаниях. Основным способом решения этой задачи выступает рассмотрение творчества как такого явления жизни сознания, в котором осуществляется интеллектуальная автономия личности, не поддающаяся исчерпывающей методологической дескрипции. Его импульсы стоят в оппозиции методу, хотя и не могут без него быть актуализированы. Детерминирующим моментом для творчества является не только ценностный и телеологический ориентир, но и правило экспликации как своеобразная дань традиции, искусство выражения творческой интуиции. Традиция амбивалентна: она предстает как культура мышления, которая направляет и не подавляет познавательную активность личности; ее противоположностью является традиция как синоним стереотипного мышления, основанный на «рецептурном» способе формирования смысла.

Творчество как свободный акт становления в качестве отдельности не может осуществляться без наличия своей противоположности в виде данности уже ставших, неререфлексивно усвоенных истин. Под таковыми подразумеваются не только стереотипы мышления, но в первую очередь в философском смысле – текст как снятая форма смысла. Традиция существует в виде текста; процесс извлечения смыслов из текста получил развитие в герменевтической теории как искусстве его интерпретации, восходящей к

христианской экзегетике. Герменевтика видит в понятии традиции непреходящий элемент осуществления понимания, влияние которой не ставится в противовес свободе разума и познавательной активности.

Этому аспекту данности как традиции противопоставляет ее противоположное значение: сциентизм в виде «вечных истин разума» сковывает свободу творческих возможностей сознания, так что задача философии и цель творчества состоят в преодолении этих статичных данностей («беспочвенная» философия Л. И. Шестова). Однако последовательно и до конца проведенная аметодологическая линия приводит к абсолютизации свободы и далее к релятивизму и крайнему индивидуализму. Свобода, являющаяся отправной точкой творческого процесса и при этом возможная как определяющее его движение телеологическое начало, явным образом констатирует свою онтологическую значимость в деле преодоления дорефлексивного состояния сознания. Тем самым свобода приобретает характер потенции, имеющей статус онтологической ценности.

Третий параграф **«Предельные антиномии свободы: случайность и телеология»** посвящен рассмотрению свободы в аксиологическом аспекте, т. е. в качестве ценности, предельным ориентиром которой является Абсолютно Сущее. В этом понимании свобода неотделима от своего телеологического аспекта, затрагивающего условия возможности конечной цели как высшего блага.

В вопросе телеологии трансцендентальная философия, а также производные от нее философская антропология и моральная философия занимают позицию осмысления понятия цели как возможности личности ориентироваться в движении к истине и благу. Наука же отрицает возможность онтологической телеологии как таковой. Проблема цели в пределах метафизического и физического планов бытия обрела свое выражение в поиске наукой компромисса между случайностью и необходимостью и детерминизмом-индетерминизмом в познавательном

процессе, а философией – в попытках определить место телеологии в онтологии.

В рамках синергетической парадигмы осуществляются попытки описывать человека как одну из форм самоорганизации материи, подверженной мутагенезу. Как и для позитивизма, для синергетики характерна декларация необходимости перенесения своей естественно-научной терминологии и методологии в сферу гуманитарных наук. Различие заключается в деталях – позитивизм абсолютизировал и пытался утвердить в качестве онтологического принципа детерминизм, а синергетика – случайность. Для науки свобода есть возможность самоорганизации сложной системы, которую представляет из себя человек как объект эмпирического мира. В этом случае свобода приобретает значение случайности, влияющей на протекание процессов самоорганизации системы. Примененная в исследовании методология позволяет констатировать, что при таком образе мышления метафизический горизонт осмысления свободы оказывается исключенным. Свобода как возможность случайности (в качестве открытости, а не хаоса) возможна в онтологическом горизонте, но свобода как синоним чистой случайности не может быть поставлена в качестве тотального основания бытия. Синергетический взгляд как форма эмпиризма лишает права на существование не только понимание личности как ноумена в феноменальном мире, но и фактически ликвидирует телеологическое измерение человеческого бытия, лишая его онтологического ориентира.

Обобщенно можно говорить об эмпирическом утилитарном понимании ценностного мироотношения, и о трансцендентальном взгляде на ценности, сообщающим им абсолютный самодовлеющий характер. В последнем случае ценностям (безотносительно к их характеру) усваивается абсолютная значимость. Трансцендентализм внимательно относится к философскому содержанию библейского послания, в рамках которого тварное бытие имеет свою цель и смысл. Религиозное сознание указывает в качестве абсолютного источника ценностных измерений Бога; трансцендентальная философия

понимает под ним абстрактное Абсолютно Сущее, рафинированное от влияния каких-либо конкретных религиозных традиций (автономная этика И. Канта или метафизика всеединства В. С. Соловьева).

Напротив, сциентизм характеризует ценность как продукт эмоциональных состояний, вторичный по отношению к психологической сфере сознания. При этом сциентизм отмечает возможность продуктивности осмысления трансцендентных начал умопостигаемого мира, не учитывая исторические обстоятельства генезиса термина синергии и самой научной рациональности.

Современная дегуманизация знания призывает к действиям как со стороны секулярного, но антропоцентрически ориентированного сознания, так и солидарного с ним религиозного сознания против превращения человека в вещь, а его жизни – в детерминированный психологизмами процесс потребления. В этом случае в рамках трансцендентальной философии гносеология приобретает выраженный ценностный оттенок и требует интеграции аксиологии и этики во всяческое познание в целом.

Во второй главе **«Свобода в концептуальном слое аксиологии»** осуществляется конкретизация структурных компонентов и содержания понятия свободы применительно к ее аксиологическому измерению.

Первый параграф **«Диалектика формального и содержательного аспектов свободы»** ориентирован на исследование и раскрытие смысла ценностного сознания в диалектике формального и содержательного понимания свободы. Их оппозиция рассматривается через взаимообусловленность автономного и гетерономного оснований аксиологического аспекта мироотношения.

С точки зрения трансцендентальной философии ценность предстает как не просто нечто значимое (в зависимости от контекста), но значимое постольку, поскольку в определяемых ею явлениях открываются универсальные основания мира (т. е. аксиология рассматривается как онтологическая теория ценности). Действительная ценность обнаруживает

себя в проявлении универсального в конечном и понимается как целесообразность, которая может быть интуитивно уловлена даже в отсутствии очевидно видимой цели.

Проблема соотношения формальных и содержательных аспектов может быть интерпретирована как соотношение двух вариантов понимания свободы – как абстрактного свойства человека в качестве сущности и как конкретного атрибута личности как тождества сущности и существования.

Ретроспектива философских точек зрения на понятие свободы позволяет рассмотреть генезис того, как идея свободы, предполагаемая в качестве неотъемлемого свойства личности, последовательно развивалась и усложнялась от Платона и Аристотеля, эпикуреизма и моральной философии стоицизма до раннехристианского гностицизма. Предпринятый философско-исторический экскурс позволяет сделать вывод, что развитие дискурса о возможности мыслить свободу как онтологический ориентир привело к усвоению трансцендентальной философией переосмысленного в контексте христианского послания античного императива долженствования, трансформировавшегося в проблему свободы воли. В этом варианте свобода в качестве блага приобрела дополнительный смысловой аспект в виде категории цели, что послужило основанием для формирования критической этики долженствования И. Канта, показавшей, что рассудок и формальные содержания сознания не могут выступать в качестве самодетерминирующего начала, способного конституировать по своему усмотрению бытие в его эмпирическом плане, поскольку в нем царствует необходимость и отсутствует свобода. Свобода не стеснена только в сфере практического разума; этим под свободу нравственного сознания подводятся трансцендентные основания. Свободная воля как единство познавательных способностей и способности морального суждения основывается на всеобщем, абсолютном и трансцендентном фундаменте бытия, полагая его в качестве своего предмета и цели.

Свобода обретает конкретность в бытии личности, тогда как строгое знание стремится обособиться в изучении своего предмета от субъективности. Однако без оценочных параметров невозможно увидеть свободу как содержательный, а не только формализованный аспект существования. Противоречие между аксиологическим и абстрактным пониманием свободы особенно четко можно усмотреть в конфликте автономной и гетерономной воли. Произведенное рациональной философией рафинирование понятия свободы применительно к ее онтологическому статусу и его аксиологическому и телеологическому аспектам оказало благоприятное воздействие на становление онтологических воззрений на структуру ценностного сознания. С другой стороны, сугубо спекулятивный дискурс сформировал основы для превратного понимания содержательной наполненности категорического императива, заложив предпосылки для оправдания нравственной девиации и парахристианской этики, вторичной и слабой в своем фундаменте. Автономная этика и формальное понимание свободы не являются полноценными в условиях элиминации философией содержательных аспектов свободы, которые никогда не исключало религиозное сознание. Автономия ценностного сознания может быть правильно понята и реализована только в контексте своих гетерономных оснований.

Второй параграф **«Трансцендентальная философия и христианская ортодоксия в понимании свободы: точки схода и маркеры различения»** посвящен изучению взаимообусловленности философского и богословского понимания свободы.

Анализ отношений богословия и философии позволяет выявить некоторый патернализм первой по отношению к умозрению. Это наложило отпечаток на проведение (по мере обособления рассудка от веры) последовательной секуляризации и планомерного исключения из поля зрения философии ее религиозных предпосылок; в итоге место религиозной веры

заняло материалистическое мировоззрение («профанный гуманизм» в определении С. Л. Франка).

Однако же христианский этос неотделим от религиозного мировоззрения. Философская секулярная ориентация, исключая из поля зрения религиозные основания этики и аксиологии, становится неспособной видеть и принимать во внимание их изначальный смысл, а религиозное становится синонимом аморфности и бессодержательности.

Между тем в контексте нашей темы для богословия понятие свободы представляет интерес не столько само по себе, сколько опосредованно – в теме грехопадения и преодоления его последствий. Для христианского сознания мотив грехопадения как путь к пониманию свободы и восстановлению возможности богообщения является одним из ключевых при построении религиозной антропологии, разработанной в православной догматике, аскетике и этике.

Концепция деятельного участия Творца в делах мира подкрепляет теистическое видение нравственности как явления, имеющего метаэмпирические корни постольку, поскольку она альтруистична и в максиме своей жертвенна. Это учение имеет ряд последствий, актуальных не только в пределах догматического богословия, но и в сфере трансцендентальной философии. В философском смысле грех есть не только смерть и отпадение от жизни вечной, но и рождение к независимому сознательному способу существования; бытие мыслящего сознания всякий раз начинается с противопоставления статичного, беспроблемного и поэтому недифференцированного способа до-личностного существования сознанию динамично развивающемуся, имеющему в себе не безлично-неразделенные содержания, но содержания, определенные актом личного вопрошания, которое и образовало динамический момент в ранее неподвижной структуре. Отпадение от Сущего есть грех, но грех выступает здесь не как эмпирический поступок, а скорее как осознание и соотнесение содержания этого поступка с нормативными установками Абсолюта; сама возможность

осмысления греха для сознания, находящегося на уровне обыденного нерелексивного существования, отсутствует как таковая.

Умозрительное и религиозное понимание свободы взаимообусловлены и онтологические предпосылки трансцендентальной философии отталкиваются от христианской ортодоксии, базируясь на ней и содержательно ее интерпретируя. В их совместном дискурсе о проблеме свободы ей было усвоено не только значение потенции, показавшей своеволие человека, повлекшее непоправимые последствия и опосредованно продемонстрировавшей его богоподобие.

Богословское понимание свободы получило основное развитие в диалектике свободы воли и предопределения; эта антиномия разрешалась различным образом в западном и восточном христианстве (августинизм и пелагианство, период Реформации и современный паракристианский протестантизм). С философско-богословской точки зрения сам мотив грехопадения получает вид акта отпадения индивидуального сознания от потенциально бесконечных содержаний Абсолютно Сущего, ставшего первым актом рефлексивной деятельности, который вывел человека в регистр отдельности. В этой интуиции христианское богословие и трансцендентальная философия сближаются и подкрепляют друг друга через взаимообусловленность автономного философского и гетерономного религиозного ценностного сознания, где ортодоксия сообщает философии смысловое разнообразие и совершается преодоление формального понимания свободы.

В третьем параграфе **«Двойственность свободы в сфере общественного бытия: человек между аномией и автономией»** на примере понятий аномии и автономии раскрываются грани свободы в аспекте социального бытия личности.

В ряду дефиниций свободы в пределах общественного бытия наибольшую содержательность обнаруживает определение свободы как способности личности изменяться (экстенсивно или интенсивно) и

преодолевать инерцию мышления обыденного сознания. Носители этой способности в актуализированной форме представляются большинству членов социума маргиналами. В исследовании под маргинальностью подразумевается не деклассированность или принадлежность к низшим уровням общественной иерархии, а явление жизни сознания, когда человек вступает в оппозицию общественному большинству и не разделяет его ценностей, понимаемых им как комплекс нерелексивно принятых стереотипов.

В основе любого эмпирического явления непременно можно обнаружить некий мотив, принадлежащий сфере умопознательного; существование личности в эмпирической реальности входит в соотношение с умопознательным ценностным горизонтом и в рефлексивном акте проверяется на соответствие моральной норме. Для социального измерения бытия личности онтологическим фундаментом выступает система ценностей, в пределах которой солидарно большинство членов общества. Следовательно, свобода выступает как момент синтеза ценностей эмпирического и нематериального миров, являясь их квинтэссенцией и предельной дефиницией. Категорией свободы также определяется и конечная цель ориентированного на благо общественного бытия.

Представления европейского и российского трансцендентализма о смысле общественного блага и направлении телеологических устремлений социума генетически связаны с библейским посланием. Христианское благовестие поставило перед личностью четкий телеологический ориентир спасения души как дела индивидуального, но не частного, утвердив на этом основании измерение социальной ответственности. Кроме того, христианской идеей об онтологической свободе человека был обогащен возникший в античности первый опыт демократии. В дальнейшем же динамика его развития привела к вульгаризации демократического идеала. Эта тенденция проявляется ныне различным образом: от насаждения «толерантности», не умеющей отличить девиацию от нормы, до экспорта

демократии в рамках геополитических игр. Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о девальвации ценностных ориентиров в социальном пространстве.

В ходе исследования было установлено, что эрозия ценностных оснований общества приводит к искажению действительного смысла понятия маргинальности, которая проявляет себя как передовая линия протеста против социальной статики и потому не представляет собой феномен исключительно деструктивного мироотношения. В феномене маргинального сознания, предельно открытого стихии свободы, между собой борются векторы, направленные к созидательной и деструктивной деятельности; в этом тезисе утверждается амбивалентный характер потенции свободы, реализация которого осуществляется в разрешении проблемы аномии и автономии.

Аномия как оппозиция автономии, которая в данном случае является принятием личностью полноты ответственности за реализацию своей свободы, понимается в широком смысле как вседозволенность. Однако аномия предстает не только отрицанием ответственности и эгоистическим самоутверждением, но может обозначать также и состояние открытого сознания, способного преодолеть косность обыденного мышления. Аномия является условием возможности действительно автономного и ответственного бытия личности в социуме. В двойственном феномене маргинальности свобода показывает свою неоднозначность и может служить как ступенью к альтруистическому самоотрицанию, так и в равной степени быть этапом эгоистического самоутверждения и принятия в качестве категорического императива вседозволенности.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются выводы и обозначается направление дальнейшего исследования темы свободы в аспекте онтологической теории ценности.

**Основные положения диссертационного исследования отражены в
следующих публикациях**

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК

1. Петров А. В. Человек и Абсолют в русской религиозной философии свобода становления / А. В. Петров // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2011. – Вып. 3 (98). – С. 88–91. (0,5 п. л.)

2. Петров А. В. Свобода как преодоление данности в понимании русской религиозной философии / А. В. Петров // Вестник ПСТГУ Сер. I: Богословие. Философия. – 2010. – Вып. 4 (32). – С. 23–33. (0,8 п. л.)

3. Петров А. В. Тема свободы в русской религиозной философии: богословская и умозрительная позиция / А. В. Петров // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. – 2010. – № 4 (89). – С. 71–74. (0,4 п. л.)

Статьи в сборниках научных конференций

4. Петров А. В. Автономная и гетерономная этика как спор атеистического и религиозного сознания / А. В. Петров // Исторические судьбы атеизма: сб. статей Международной научно-теоретической конференции / под ред. Д. А. Яковлева. – Магнитогорск: УрАГС, 2011. – С. 75–81. (0,4 п. л.)

5. Петров А. В. Свобода формальная и содержательная: этический аспект / А. В. Петров // Сибирский научный журнал. Сер. Гуманитарные и социально-экономические проблемы развития современного общества. – 2011. – № 2. – С. 41–44. (0,4 п. л.)

6. Петров А. В. Необходимые истины разума: критика рационализма в философии Л. И. Шестова / А. В. Петров // Знание и вера (Вторые Хайкинские чтения): мат-лы Междунар. науч. конф. 20-21 нояб. 2009 г. / отв. ред.: Н. В. Медведев, Н. М. Аверин. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 94–98. (0,3 п. л.)

7. Петров А. В. Осмысление греха в русской религиозно-философской традиции / А. В. Петров // Актуальные проблемы изучения истории православия и культуры: сб. науч. статей / науч. ред., сост. А. В. Здор. Вып. II. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – С. 72–75. (0,4 п. л.)

8. Петров А. В. Два лика свободы: автономия и аноμία / А. В. Петров // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма: Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, соискателей и студентов / Под общ. ред. д-ра пед. наук, проф. Аикина В. А. – Омск: Изд-во СибГУФК, 2010. – С. 351–357. (0,4 п. л.)

9. Петров А. В. Свобода как онтологический принцип: аспект случайности / А. В. Петров // Научные труды: ежегодник. – Омск: Изд-во СибГУФК, 2010. – С. 311–314. (0,2 п. л.)

10. Петров А. В. Метод как явление необходимости в русской религиозной философии / А. В. Петров // Наука – Творчество – Образование: сб. науч. тр. Междунар. теоретико-практической конф., посвященной памяти проф. Г. Ф. Миронова, Ульяновск, 14–15 мая 2009 г. / под ред. Т. Н. Брысиной. – Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 2009. – С. 223–226. (0,2 п. л.)

11. Петров А. В. Свобода как онтологическое основание творчества: взгляд русской философии / А. В. Петров // Реальность. Человек. Культура: религия и культура. Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 11 декабря 2008 г. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. – С. 155–158. (0,2 п. л.)

12. Петров А. В. Свобода и случайность: опыт обнаружения абсолютного в человеке / А. В. Петров // Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы: материалы III Международной научной конференции. – Омск: ИП Бикбулатова В. С., Лаборатория архаической мифопоэтики и теологии «АнтропоТопос», 2008. – С. 183–186. (0,2 п. л.)